

Цикл Сергея Вишневого

НАМЕСТНЫЙ МАГ

Пест-серебряшка

Пест – Ломаный Грош

СЕРГЕЙ ВИШНЕВСКИЙ

ПЕСТ -
ЛОМАНЫЙ ГРОШ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В55

Серия «Боевая фантастика»
Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Вишневский, Сергей Викторович
В55 Пест — Ломаный Грош: роман / Сергей Вишневский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-983219-5

Пест - еще совсем мальчишка, а уже ведун и студент академии магии. Он страстно тянется к знаниям, справляется со строгими преподавателями, но самое тяжелое испытание ждет его дома. Оказывается, его собственное село, место, где он вырос, где издавна обитает весь его род, им не принадлежит! Где взять денег, чтобы выкупить собственную родину? Да и кто станет слушать мальчишку, когда с севера наступает орда тварей, жаждущих полакомиться человечинкой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-983219-5

© Сергей Вишневский, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Солнце начинает прятаться за верхушки деревьев, удлинняя и без того немаленькие тени от деревьев.

Село Ведичей затихает. Дневные хлопоты по хозяйству были выполнены, мужики, работавшие в поле, накормлены, коровы выдоены, дворовая живность накормлена и уже разбрелась по своим законным местам во дворе. В домах, несмотря на наступающие сумерки, свет загорелся далеко не везде. Складывается впечатление, что половина села и вовсе отсутствует дома. Отчасти это правда.

Почти все взрослые мужики собрались в избе старосты села Ведичей. В доме многолюдно, и чтобы рассадить в небольшой избе глав родов и гостей из соседних деревень, натаскали лавок из соседних домов.

В данный момент в избе у стола сидят главы родов. Простые мужики стоят у стен так, чтобы всем было видно центр комнаты.

В центре стоит Пест. Он внимательно слушает старосту, который поминает добрым словом старую ведьму, хранившую мудрость и оберегавшую окрестные села от напастей. После добрых слов он поднимает небольшую деревянную чашечку, используемую вместо рюмки и наполненную медовухой, и залпом ее опрокидывает. Его примеру последовали главы родов.

— Все ли сделал, и сделал ли, как завещала Аккилура? — спрашивает староста после опрокинутой рюмки медовухи.

— Все, старшой, — кивает Пест.

— А как со знаком ведьмы старой? — спросил староста мужиков, пришедших гонцами из соседних деревень Куприян и Дорожичей.

— Истлел намедни знак Аккилуровский, развеялся, аки прах могильный на ветру, — отвечает усатый гонец Куприян.

— Истинно так! Как есть истлел... — кивает мужик из Дорожичей.

— Ну, коли все вышло по задуманному, то говори слово за учебу свою, Пест, а то бабы уж судачат, — староста мельком оглядывает глав родов с ухмылкой. Его за день работы в поле успели одолеть расспросами. — Мол, погнали с учебы, аль сам сбежал?

— Учеба, хоть и дюже сложная, но ежели бока не отлеживать, то справиться можно, — Пест тянет за ворот рубаху вверх и снимает ее. Всем видны две переливающиеся татуировки. — Это знаки мажьи о том, что я двум наукам мажьем выучен, и право зваться магом имею согласно «Государеву указу о мажьих отличиях и рангах».

— И каким же наукам выучился? — спрашивает староста, цыкнув на мужиков и повысив голос. Мужики у стен и главы родов, как только увидели переливающиеся татуировки на груди Песта — тут же загомонили и зашептались.

— Этот знак обозначает, что я магом боевым право называться имею, — Пест указывает на татуировку с буквой В. — Количество Йот в этом знаке обозначает ранг. Эта отметка дает мне право называться магом боевым третьего ранга.

Пест вытягивает из-за пояса нож, который полтора года назад выковал сам, когда учился кузнечному делу у Дорожичей, и исполняет трюк, который когда-то показал его учитель и наставник Ратмир.

Он с размаху вогнал нож в свою собственную грудь слева. При этом он не прекращает и продолжает говорить, как ни в чем не бывало.

— Маг боевой из меня вышел не ахти. Нет во мне силы великой, ни одна стихия меня не приняла, а потому и управлять стихиями искусно не дано мне. — Все мужики, что находились в комнате, с открытым ртом наблюдают за единственной каплей крови, которая зависла на рукоятке ножа. Сам нож тем временем едва заметно двигается, словно его кто-то тянет за рукоять, стараясь вытащить. — Посему учитель мой меня вперед учил жить и выживать, несмотря на ранения. Зело сложно то дело, но, как видишь, старшой, выучился я тому. Да так, что ежели меня убить решишь — без некромантии и магии черной никак. Гореть я уже горел, топить меня уже топили, руки-ноги отрезали. Новые отращивал.

Речь Песта прерывает нож, который с гулким стуком падает на пол. Староста проводит его взглядом, сглатывает комок в горле и спрашивает:

— Это кто ж тебя сжечь пытался и утопить?

— Так Ратмир, учитель мой, — хмыкает Пест, явно что-то вспоминая. — Он не злой, но сам маг боевой. Посему учеба у него зело злая. Спуску не давал и за уговорами или руганью в карман не лез... за тумакими у него тоже дело не вставало...

— Добре! — говорит огромный мужик, сидящий за столом. — Ежели дело твое война, то без тумаким никуда! Лучше от отца тумак, чем от вражины нож в брюхо!

Мужики нестройным хором гомонят, подтверждая слова огромного мужика.

Пест тем временем продолжает ворожить. Ничего сложного, только контроль. Он магией воздуха подбирает золу, мелкие угольки из печи и заставляет их двигаться в виде длинной полоски, которая, выбравшись из печи, устремляется к юному ведуну. Она начинает вращаться у его ног, словно змея. При этом красные угольки иногда потрескивают, словно невиданная змеюка из пепла и угольков шипит и огрызается.

— Добро! — кивает староста, опасливо поглядывая на «пепельную змеюку», и вновь спрашивает: — А второй знак?

— Сие знак о том, что я артефактному делу обучен, — Пест указывает на стилизованную букву А. — Ранг сего дела у меня первый. Посему я могу по закону для продажи делать токмо первый десяток артефактов, что в указе записан «О рангах и разрешениях изготовления стандартных артефактов для свободной торговли». Сей указ самим государем нашей Гвинеи подписан!

— А ежели не на продажу? — с прищуром спрашивает староста.

— А ежели не на продажу... — Пест разворачивается к выходу и подходит к двери, где под мешком спрятан деревянный домик. Он сделан из маленького сруба шириной в локоть и с небольшой двускатной крышей. Пест подходит к столу, за которым сидят староста и главы родов, и ставит его на стол. — Ежели не на продажу — делай, что душе угодно. А моей душе угодно было такой артефакт измыслить, чтобы пока меня рядом нет, он бы за полями следил, чтобы солнцем их не спалило, градом не побило али хворь какая посева не взяла. И так я крутил и эдак, и книги ученые читал... библиотекаря мажьего совсем извел.

Пест стучит костяшками пальцев по домику, и дверь, которая была перед старостой, отворяется. Из двери выходит маленький человечек размером с мужскую ладонь. Одет — совсем по-деревенски. Лапти, штаны из мешковины, рубаха, жилетка, да шляпа с полями из мелкой травы на голове. Он оглядывает мужиков, которые устались на него выпученными глазами, снимает шляпу, пригладив волосы, торчащие во все стороны, и громко говорит: «Здравы будьте!»

— Я, значит, к мастеру, что артефактному делу учит, на поклон пошел. Он-то мне и сказал, что нет таких артефактов и делать их никогда не делали. Почему? То разговор долгий, но сей артефакт я сам измыслил и сам создал, — Пест с улыбкой разглядывает вытянувшиеся лица взрослых мужиков, которые разглядывали домового. — Артефакт сам по себе вещь, и разумом не наделен,

но я в него духа поселил домового. Сей дух дал добро, и слово с торгом молвил, что будет теперь хозяином Полей наших. С этим артефактом он и в зной и в град ворожить сможет не хуже меня, а то и лучше. За то раз в седмицу ему хлеба медового краюха полагается и молока крынка.

В избе воцарилось гробовое молчание. Мужики столпились полукругом вокруг домика-артефакта. Тишину разорвал голосок Лукаши.

— Кто старшой будет? — как можно громче произносит домовый.

— Я за него!

— Лукаша! — домовый протягивает ответившему старосте раскрытую пятерню.

Староста сначала смутился, но потом тоже протянул к домовому мизинец. Тот пожал его со словами:

— Я, конечно, с полями не мастак, сперва надобно будет мне подсказывать, но коли сработаемся, то всю округу хлебом завалим! — прямо выкладывает Лукаша, не отрывая взгляда от старосты.

— Вперед дело, а за ним слово, — отвечает староста, хмурясь.

— И то верно! Когда смотреть поле пойдем?

— Завтра с зорькой. Ночь на дворе...

— Ты когда в поле пойдешь — в дом постучи. Я с вами двину, — Лукаша накидывает шляпу на голову и бодрым голосом добавляет: — Поглядим, может, сразу чего и подправим. Стучи, ежели чего, старшой. Бывайте, мужики...

С этими словами Лукаша махает рукой мужикам и, развернувшись, снова уходит в дом, закрывая за собой дверь.

— Вот те раз... — слышится из толпы мужиков, которые обступили стол и все вместе разглядывали Лукашу. Когда тот затворил дверь, все взгляды перенеслись на Песта.

— Сам придумал и сделал? — спрашивает староста Песта, не обращая внимания на мужиков, которые обступили его плотной толпой.

— Сам.

— А может, и не вертаться тебе, Пестушка, в Академию мажескую? — задумчиво спрашивает он Песта. — Ежели воевать ворожкой умен, мажым чудесам обучен... Может, и не треба более?

— Нет, старшой. Я хоть и себя не жалел, но больно много еще мне выучить надобно. Много знаний постигнуть следует, чтобы магом хотя бы средней руки зваться, — Пест кивает на домик Лукаши, пускаясь в объяснения: — То, что вы за чудо держите, сотворил я ведовским словом и делом. Самой мажьей науки там не много. Кабы не ведовство и слово Аккилуры — и того не сделал бы...

Мужики начинают гомонить, а староста вздыхает, потирая лицо ладонями.

— Ежели так, то быть по-твоему, — староста умолк на несколько секунд, а потом хлопает по столу ладонью, прерывая гомон мужиков, что-то продолжавших обсуждать. — Тут к нам вестовые приходили... Много люда к нам шло. Кто с просьбой, кто с поклоном, а кто и дань удумал нам платить...

Староста говорит медленно, подбирая слова. Пест же, услышав слово дань, начинает хмуриться.

— Слух за тебя, Пест, пошел, да так, что тебе челом бить приходили с дальнего юга. Мужики смуглые, с волосами зело черными. Мы таких и не видали, и за села их не слыхивали. Тебе поклон несли, да за дело спрашивали, — староста чешет лысеющую голову и, оглядываясь на мужиков, словно ища поддержки, продолжает: — А ты-то в городище. Мы им и так толкуем, и сяк, а уйдет один южанин, так на следующую седмицу северяне в шкурах придут. Да с такого севера, что и диву даешься. Росту маленького, с глазами узкими, как у люда с востоку дальнего. За села их и не слыхивали. А они все как один — вынь да положь мага-ведуна, что из села взрос. И деньгу несли, и камни разноцветные, и побрякушки золотые... Но ты не подумай! Мы себе ничего не взяли. Объяснили, что ты только через пять зим воротись. Мол, в Академии мажеской учишься. С тем и в обрат отправляли...

— Кто ж знал, что ты летом явишься? — поддержал старосту голос из толпы мужиков.

— А тут еще и срок подошел тризны по Аккилуре, — начал объяснять и жаловаться староста. — Ты как Аккилuru на костер положил, так, видать, и рассыпались знаки ее, что по селам соседним лежали... А посевная в самом разгаре и дел невпроворот... Ты бы нам с посевной подсобил, чем сможешь, а то нынче не успеваем...

Мужики в избе начинают гомонить, обсуждая положение дел, и чем оно могло бы закончиться. Пест хмурится и глубоко вздыхает.

— За луга и поля нынче Лукаша озаботится, — немного подумав, отвечает Пест. — А мне надобно знак свой оставить во всех селлах, за которые ответ держать буду.

— И за какие же села ответ держать будешь? — с ухмылкой спрашивает староста. Мужики тут же притихли, ожидая ответа Песта. Вестовые из Куприян, Дорожичей и Воржских рыбаков поднялись. Возникает пауза, во время которой Пест заглядывает в глаза каждому вестовому.

— Хотелось бы за все, что деньгу несли немалую, да боюсь не успеть везде, — Пест пожимает плечами, словно извиняясь, и продолжает: — Я так думаю, что пока ответ держать буду за села Ведичей, Куприян и Дорожичей... Еще мыслю, что за рыбаков Воржских. Уговора с рыбаками не было, но зело доброе и нужное дело было от них.

— Рыбаки Воржские хоть и не ведут с нами дел прямых, но дело доброе делали, когда нас нужда припирала, — громко произносит усатый мужик из Куприян. — Добре!

— Ну, коли так... — бормочет староста, поднявшись из-за стола, — ...то завтра тебе в путь собираться надобно. Не дело это, чтобы села без знака твоего были.

Мужики еще что-то обсуждали и спорили, но ничего серьезного уже не было. Пест сидел в уголке и думал, поглядывая на старосту. Тот заметил внимание, обращенное на него, и поспешил разогнать мужиков по домам, мотивируя это посевной и ранним подъемом.

— Вижу, есть что тебе еще сказать, так, Пестушка? — спросил староста, когда в доме остались они вдвоем.

— Есть, старшой, — тихо произнес Пест. В этот момент дверь скрипнула и в дом попыталась войти жена старосты.

— Брысь! — рявкнул староста, и супруга поспешно вышла, заметив, что в углу горницы сидят Пест и староста.

— Знаешь за ведовской рок? — без прелюдий спросил Пест.

— Знаю, — староста тут же нахмурился и подобрался, чувствуя, что разговор неспроста. — Узнал за свой рок?

Пест кивнул. Его взгляд уперся в пол у самых ног.

— За смерть мой рок таков: как смертью замараюсь, так на мои проводы она и пожалует, — Пест умолк, а староста спросил:

— Значится, не выйдет из тебя воя мажьего? — Пест кивнул, подтверждая слова старосты. — Значит, будешь как Аккилура, окольными путями ворожить, а прямо никого ворожкой убивать не сможешь... А сердце? За сердце рок знаешь?

— Знаю, но сам пока не понял, — хмурясь, ответил Пест. — А раз сам не понял, то чужому не скажу.

— Быть по-твоему, — со вздохом сказал староста и поднялся. — В дорогу когда собираться будешь?

— Сильно торопиться некуда, думаю, на этой седмице отправлюсь, — Пест тоже поднялся на ноги, протянув раскрытую пятерню старосте. Тот ее пожал. — И это... старшой, ты за Дакритом присмотри. Он не злобный, но может куда не след нос начать совать...

— Так у нас и скрывать нечего...

— Все равно присмотри...

* * *

В доме рода Подова, в котором вырос Пест, уже давно погасили свет и царила полная тишина, нарушаемая только мирным посапыванием хозяев и их детей. На одной из «гостевых» лавок тем временем ворочался Дакрит. Он все не мог уснуть, вспоминая Черта с его договором.

В какой-то момент ему почудился еле слышный шепот.

— ...Договор... — послышалось ему. Сначала он подумал, что он сам себя накрутил, и не обратил внимания, но затем шепот повторился: — ...договор...

Дакрит повернулся на другой бок и увидел прямо перед своим лицом три глаза, расположенных треугольником. Под ними располагались два ряда белоснежных клыков, растянутых в улыбку.

— Черт! — прошептал Дакрит, чуть не свалившись с лавки.

— Тише! Перебудишь всех! — прошептал Черт еле слышным голосом. — Договор был — значит, делаешь, как я скажу!

Дакрит кивнул, подтверждая готовность действовать.

— Пест уйдет в соседние села, а ты, как Пест уйдет, так сразу идешь к старосте. В пояс кланяешься и за себя правду говоришь, но так, что, мол, решил узнать, как люд живет простой. Что хочешь делай, но он тебя в род принять должен. В любой. Понял? — спросил Черт едва слышным шепотом, уставившись на Дакрита немигающим взглядом. Тот в ответ кивнул. — И за договор помни!..

Три глаза и оскал белых клыков растворились в воздухе, а Дакрит еще около получаса ворочался на лавке, пока не уснул. Уже засыпая, ему почудился голос Черта, который прошептал на грани слышимости: «Спи!..»

* * *

Рано утром, еще до восхода солнца, на дворе стояли предрассветные сумерки, а из дома, скрипнув дверью, «до ветру» вышел Пест. Сделав все, чего требовал организм, Пест собрался уже войти в дом и потянулся к ручке двери, но почему-то остановился. Повернув голову к калитке, он замер, уставившись на едва светлеющий горизонт.

Словно наваждение, где-то вдалеке брехнул пес и закудахтали куры. Дунул теплый летний ветерок, шелхнувший крону старой кривой яблони и принесший запах...

Слегка сладковатый и с примесью дыма. Это был непотворимый запах дома.

— Домом пахнет, — еле слышно произнес он и уже громче добавил: — Слышишь, Черт?.. Черт!

Слева от него появился огромный демон на четырёх лапах, с тремя глазами и громадной, полной множеством крупных зубов пастью. Пест повернул к нему голову.

— Чувствуешь, как пахнет? — с какой-то доброй улыбкой спросил Пест.

— Я не умею чують настоящий запах... только ворожба и силу... — из-за приоткрытой пасти с зубами в три ряда было непонятно, улыбается Черт или просто не может убрать оскал с лица. — Сущности тьмы не умеют чувствовать запахи в том понимании, которое вы этому придаете...

— И ни один демон никогда не чуюл настоящих запахов? — Пест разговаривал, не отрывая взгляда от горизонта.

— Нет, — ответил Черт.

Пест искренне улыбнулся Черту и по-простому, словно друга, спросил:

— Хочешь, я тебе дам свой нос понюхать, как мое село пахнет?

Черт молчал секунд двадцать. Пест уже отвернулся от него и вышел за ограду, не став дожидаться Черта. Тот переминался с лапы на лапу, но отвечать не спешил. Прямо перед оградой лежало белоснежное перо, которое Пест увидеть не мог. Черт же его прекрасно видел, но не мог понять его смысл. Когда Пест скрылся из виду, Черт аккуратно перелез через ограду и обратился к Песту.

— Что хочешь за то, что носом дашь своим почують? — Черт внимательно оглядывал Песта в поисках следов вмешательства «пернатой суки».

Пест отвернулся от горизонта, на котором занималась зорька, и со странной улыбкой произнес:

— Ничего, — Черт в ответ хлопнул одновременно всеми тремя глазами. — Просто так, токмо ты слово дай, что

только носом моим чують будешь и только чтобы запах почуять... Даешь?

— Даю, — спустя несколько секунд раздумий ответил Черт. — Даю слово свое, что не воспользуюсь ничем, кроме носа Песта, для того, чтобы запах почуять.

— Даю Черту право носом моим чують, — с ухмылкой произнес Пест и начал наблюдать, как засуетился демон.

Сначала он хотел просто облюнговать палец на лапе, а потом прикоснуться им к носу Песта. Помешал огромных размеров коготь, который чуть не выколол Песту глаз. Черт тут же отгрыз коготь. Когда он прикоснулся к носу Песта своим пальцем, то принялся втягивать воздух сквозь щели. Тут же он завертел головой, стараясь втянуть как можно больше запахов. А запахов было немало.

Запах растопленных печей, цветущей яблони, сырой от росы травы и легкие отголоски запаха струганой древесины. Это соседский сруб, который хозяева собрались ставить после посевной и сенокоса. Сруб стоял на другой стороне улицы на нескольких камнях. Его только приготовили.

Черт крутил головой и старался уловить разницу, каждый запах, втянуть как можно больше, словно оголодавшая собака, дорвавшаяся до еды. И с каждым разом он замедлялся. Слово это обычный воздух его пьянил. Он все медленнее и медленнее втягивал воздух, все меньше вертел головой, а потом и вовсе плюхнулся на задницу и уселся, как пес. При этом нос Песта он отпустил сам. Пест и не думал его останавливать.

— И так всегда? — спросил Черт. Он уселся, подогнув задние лапы и придерживаясь передними за землю. Если бы не огромная голова с непропорционально большим ртом, могло показаться, что рядом с Пестом сидит огромный пес. — Всегда так пахнет?

Пест сел рядом с ним, вытянув ноги. Они оба рассматривали рассвет. Село начало оживать. Послышались звуки скрипа дверей вдалеке и первые песни петухов.